

Мартьянов В.С. Генезис и ценностно-институциональная эволюция Модерна. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_42 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 42–71.

УДК 30:321.01

DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_42

Генезис и ценностно-институциональная эволюция Модерна

Виктор Сергеевич Мартьянов

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

Поступила в редакцию 09.08.2022

В статье рассматриваются ключевые факторы и направления ценностно-институциональной эволюции Модерна. Утверждается, что движение человечества к глобальному миру парадоксальным образом обернулось не отрицанием, а последовательной радикализацией ценностных политических оснований Модерна. Аргументируется тезис о ценностном единстве и институциональном разнообразии глобального Модерна в противовес концепции множественной современности как риторически завуалированному цивилизационному подходу. Утверждается, что постоянная самонастройка центральной ценностной системы Модерна осуществляется в контексте эффекта неодновременности, который дает основания для дискуссий о непреодолимости домодерных культурных барьеров и традиций разных цивилизаций. Обосновывается вывод, что будущая успешность Модерна обусловлена возможностью достройки уже существующей мироэкономики до мирополитики, так как экономическая интеграция мира в значительной степени опередила компенсирующие возможности глобальной политической регуляции, что способствует усилению конфликтов и разнообразных неравенств. Все более интенсивное взаимодействие и взаимозависимость человечества на глобальном уровне предполагают создание этических механизмов мирополитики как заботы об интересах человечества в целом. Решение этой задачи выходит за рамки политических форм и оснований принятия решений, связанных с отдельными нациями-государствами. Представляется, что в дискуссии по поводу этической регуляции глобального, второго или позднего Модерна априори сильней позиции субъектов, которые способны предложить человечеству моральную игру на повышение: прозрачные, эгалитарные, универсальные варианты решений всеобщих проблем.

Ключевые слова: Модерн, радикализация Модерна, мироэкономика, мирополитика, капитализм, либеральный консенсус, прогресс, постмодерн, национализм, космополитизм, коллективное действие

© Мартьянов В.С., 2022

Genesis and the Value-Institutional Evolution of Modernity

Victor S. Martianov

Institute of Philosophy and Law Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

Received 09.08.2022

Abstract. The article discusses key factors and directions of the value-institutional evolution of Modernity. It is argued that the progress of humankind towards global peace paradoxically turned into if not a denial, but a consistent radicalization of value-based political foundations of Modernity. The idea of value unity and institutional diversity of global Modernity is argued against the concept of multiple modernity as a rhetorically shadowed civilizational approach. It is argued that the constant self-adjustment of the core value system of Modernity is carried out in the context of non-simultaneity, which gives ground for discussions about the insurmountability of pre-modern cultural barriers and traditions of different civilizations. The conclusion is made that the success of Modernity is caused by the possibility of completing existing world economy to the level of world politics. In fact, the world economic integration has largely surpassed the compensatory possibilities of global political regulation, therefore contributing the intensification of various conflicts and inequalities. Intensive interaction and interdependence of humanity at the global level presupposes formation of ethical mechanisms of world politics based on the concern for the interests of humanity as a whole. Such possibility goes beyond political institutions and decision-making means associated with leading nation-states. It seems that in the discussion about the ethical regulation of the global (second or late) Modernity, the position of subjects that are able to offer humanity “game on increase”, which presupposes transparent, egalitarian, universal solutions to universal problems, is a priori stronger.

Keywords: Modernity; radicalization of Modernity; world economy; world politics; capitalism; liberal consensus; progress; postmodernity; nationalism; cosmopolitanism; collective action

For citation: Martianov V.S. Genesis and the Value-Institutional Evolution of Modernity, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 42–71 (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_42.

Фундаментальное значение Модерна-Современности в качестве центрального объяснительного и легитимирующего понятия социальных наук трудно переоценить. По образному выражению Э. Хобсбаума, к середине XX в. 80% населения Земли рассталось со Средневековьем, шагнув в модерное общество, связанное с фоновыми процессами урбанизации, индустриализации, индивидуализации и демократизации (см.: Хобсбаум 2004: 311). Это общество, ориентированное на научное овладение жизненным миром и свободу управления собственной судьбой. Системные признаки Модерна стали проявляться вместе со становлением в *долгом* XVI в. капиталистической миросистемы, однако сами политические понятия,

составившие политический нарратив Модерна, окончательно сформировались, получили признание (автономию) и заговорили от имени политических субъектов в полную силу лишь в период Великой французской революции.

Интерпретация Модерна (Modernity) является наиболее идеологизированной проблемой общественных наук, решение которой задает все производные ценностные, онтологические и воображаемые иерархии. По многим показателям дифференцирован Модерн XVIII и XIX вв., Модерн начала и конца XX в. Интеллектуальная монополия на Модерн является мечтой любых политических и философских учений, государственных аппаратов и социальных сил, обосновывающих легитимность тех или иных актуальных социально-политических, культурных, экономических порядков. Однако любое всеобщее определение *длящегося* или *незавершенного* Модерна (Хабермас 2005), внутри которого мы находимся, невозможно без предъявления в координатах социально-политического, экономического и исторического пространства той позиции, в контексте которой мыслит наблюдатель. При этом рефлексия своей социальной ангажированности и партикулярности закономерно оборачивается фальсификацией любых универсальных концепций и систем легитимности, вызывающих к Модерну.

Модерн представляется нам глобально доминирующей, одновременной в своем разворачивании во времени и пространстве, далекой от исчерпания исторической ситуацией. Поскольку Модерн является незавершенным, мы не можем подвести окончательные исторические итоги. Парадокс самоописания Модерна состоит в том, что модерное общество может описать единым взаимосвязанным нарративом любое предшествующее общество (родоплеменное, Античность, Средневековье и т.д.), но только не само себя, постоянно умножая и дифференцируя при этом разнообразные измерения своего бытия и предметных областей (природа/общество/человек), которые невозможно вновь объединить в утраченное единство описательного нарратива (см.: Латур 2006: 71-72). Вследствие этого Б. Латур даже ставит под сомнение само существование Модерна, который по его мысли зиждется лишь на особых способах самоописания (критика и гибридизация), не позволяющих провести прямые сравнения и аналогии с предшествующими общественными состояниями, относительно которых Модерн считается автономным, прогрессивным, более сложным и т.д. Он полагает, что характерной чертой длящейся современности выступает именно *гибридность*, а попытки выразить ее через набор неубедительных бинарных оппозиций традиция/современность, Запад/Незапад являются схоластическим эссенциализмом. В связи с этим Дж. Александер замечает, что бинарный код Модерна «выполняет мифологическую функцию разделения знакомого мира на сакральный и профанный и таким образом обеспечивает четкую и убедительную картину того, как современным людям следует поступать, чтобы маневрировать в пространстве между первым и вторым. В этом смысле дискурс современности поразительно напоминает метафизический и религиозный дискурс спасения в различных его видах» (Александер 2013: 524).

Тем не менее мы можем многое узнать о Модерне, если осмыслим те внутренние изменения, которые претерпел его ценностно-институциональный политический порядок в течение последних столетий: «...если верно, что современность – это историческая ситуация, то с точки зрения методологии познания должен вытекать один вывод: теорию современности создать невозможно. Теории информационного, индустриального и т.п. обществ редуцируют современность к неким институциональным сущностям... Если современность – это ситуация, а не цельная система и объект, то мы можем предложить только нарратив о современности (в смысле Ханны Арендт) в виде ответов на вопросы: как возникла современность? через какие фазы она проходила? какими коллизиями пронизана? какие основные действующие лица современности на ее различных этапах? Мы обладаем только нарративным знанием, а не системно-теоретическим знанием» (Капустин и др. 2010: 34).

Относительно генезиса, трансформации, возможных альтернатив и угроз обществу Модерна можно сформулировать следующую взаимосвязанную последовательность тезисов.

I

Феодальное общество не было ни единым, ни взаимосвязанным в привычном для современности понимании, оно «считалось состоящим из разных порядков. Эти порядки нуждались один в другом и дополняли друг друга, но это не означало, что их отношения были по-настоящему взаимными, потому что они не существовали на одном уровне. Скорее, они формировали иерархию, в которой одни порядки имели большую ценность, чем другие. Примером этого может служить часто воспроизводимая в обществе схема трех сословий, (столь идеализированная в Средневековье): *oratores, bellatores, laboratores* – тех, кто молится, тех, кто сражается, и тех, кто работает. Было ясно, что каждое сословие нуждалось в другом, но нет сомнения, что перед нами нисходящая шкала социальной значимости; одни социальные функции были по своей сути выше других» (Тейлор 2022: 33).

В домодерных обществах легитимация социального порядка осуществлялась посредством апелляции к его естественному/природному/божественному характеру с помощью органицистских метафор (или несколько позднее – метафор божественного порядка/механизма), которые предполагали неизменную и единственно возможную иерархию сословий, их функций и следующее из них неравенство. В отсутствие общей для всех сословий публичной сферы мораль отдельного человека была соразмерна морали и добродетелям его сословия. Соответственно любые попытки изменения морали, права и оснований социальной стратификации автоматически наталкивались на интерпретацию в качестве еретических вызовов божественному порядку; как бунта черни и недостойных, претендующих на законное место аристократии; как вызова естественному праву и самой природе вещей.

Исторически Модерн, вытеснивший Ancien Régime, впервые явил сконструированность социального порядка, обосновал его независимость от неизменной и предустановленной божественной гармонии. В современном обществе происходит признание и *нормализация* вариативности социальных норм, групп и их возможных функций вследствие *инструментализации* социально-политического порядка в числе прочего потому, что «современный порядок не придает онтологического статуса иерархии или какой-либо конкретной структуре дифференциации» (Тейлор 2022: 34).

Традиционное общество принципиально отличалось от современного *скоростью* социальных изменений. До Модерна скорость изменений настолько мала, что на протяжении одного поколения или жизни отдельного человека изменения практически незаметны, что создает всеобщую иллюзию, будто с сотворения мира изменений не существует вовсе. Поэтому темп изменений в современном обществе с позиций домодерных социальных групп представляется едва ли не кошунством. Быстрота социальных перемен впервые позволяет увидеть, что любое общество сконструировано в коллективном воображении, во времени и пространстве. В результате критики Модерна довольно скоро обнаруживают его онтологическую и ценностную *изменяемость* и *сконструированность* различными социальными силами, интерпретируемую в рамках сакральной традиции как неподлинность, симулякрность, деконструкция, отрицание Бога, искажение священных основ. Хотя отличие традиции лишь в том, что исходный чертеж ее конструкции теряется в долгом историческом времени. Модерн отменяет земной порядок, оправдывающийся тем, что он является копией божественного, а следовательно, апологией всего социального зла служит вывод о том, что *все действительно разумно*. Таким образом, граждане и социальные группы легитимируют свое право на изменение политического порядка с непредсказуемыми результатами. Политический порядок Модерна вновь воскрешает ситуацию построения Вавилонской башни, где финальная цель достижения идеального (божественного) порядка не утрачена, но она постоянно разбивается о конфликты альтернативных перспектив, производимых постоянно трансформирующимися социальными группами как аналогами *библейских языков*. Отсюда возникает непреодолимая теоретическая неуверенность и незавершенность Модерна как подвижной конструкции присущих ему утопий и идеологий, при невозможности их метанарративной интеграции, надежды на которую Ж.-Ф. Лиотар связывал с состоянием постмодерна (см.: Lyotard 1979).

Естественным способом бытия и одновременно легитимации современного общества является перманентная модернизация как совокупность постоянных улучшающих изменений, связанных с идеей прогресса. Стремление к непрерывным инновациям само по себе становится ключевой и едва ли не единственной самобытной *традицией* Модерна: «“Модернизация” есть способ существования в “современности”, и она не может завершиться, во всяком случае пока не завершилась “современность”» (Капустин 1998: 4). При этом любые инновации, чтобы соответствовать нормативным принципам *максимизации коллективной полезности*, должны быть общественно

контролируемыми, легитимными, служить предметом широкого, постоянно пересматриваемого и подтверждаемого консенсуса ключевых социальных групп. Поэтому модернизация является непрерывным процессом, осуществляемым в принципиально незавершаемых условиях свободы, где не бывает социальных сил, побеждающих раз и навсегда с *нулевой суммой*. И этот процесс не тождествен движению к идеальному конечному состоянию, которое часто представляется уже воплощенным в той или иной политической реальности, например в виде субъективного перечня либеральных демократий.

Временной код Модерна, связанный с рефлексией социальных изменений, пережил стремительную трансформацию. Первоначальный выход Модерна из циклов природного времени к времени линейному был связан с идеей историзма, согласно которой настоящее является продолжением и улучшением прошлого, прежде всего социально-политических и культурных образцов Античности. Затем фокус времени был перемещен в будущее, ставшее местом конструирования социальных утопий, аналогов земного рая, чье построение фактически означало исчерпание всех ипостасей прогресса (материального, технологического, морального и социального) и достижение идеального общества. Наконец, в позднем Модерне начинает превалировать *тирания настоящего времени* (П. Вирильо), содержательно коррелирующая с неолиберальной риторикой, которая сужает горизонт планирования будущего, подчиняя все перспективы, ресурсы и коллективные интересы бенефициарам статус-кво посредством апологии моделей рационального выбора и саморегулируемого рынка (см.: Каминер 2022). Эта идеология *презентизма* ведет к накоплению всевозможных экономических, политических и классовых рисков, радикализации всех измерений неравенства, поскольку общественное благо и приоритеты долгосрочного развития социума не могут быть надежно сформированы в ограниченной равновесной рыночной модели, лишенной понимания своего внеэкономического контекста, истории и обязательств перед будущими поколениями. В нарастающем интеллектуальном тупике *презентизма* и *экономикоцентризма* актуализируется призыв возврата к забытым и репрессированным элементам утопии, к социальному экспериментированию и открытости альтернативам, поскольку «эстетическое мышление и грезы о лучшем будущем являются важными элементами первоначального проекта модерна» (Мунк, Гилен 2022: 9).

Модерн заявил об универсальности человеческого разума, умопостигаемости общественных и моральных законов, ведущей к веберовскому расколдовыванию мира. В этической области это *проект независимого рационального обоснования морали* (MacIntyre 1981), в политической – *всеобщее законодательство разума* (Кант). В основе Модерна лежит стремление к выработке универсального политического законодательства для всего человечества. Проблема в том, что последующая классовая дифференциация общества Модерна предъявила набор диаметрально противоположных версий морали и разума, являющихся результатом свободного коллективного самоопределения людей, каждая из которых, стремясь

к всеобщему законодательству, вместе с тем служит выражением партикулярных политических интересов. Объективная (всеобщая) нормативная рациональность (общность целей, ценностей, идеалов) монологичного политического разума становится невозможна. Однако без интегральной инструментальной рациональности, выраженной в праве и законах (правилах игры) – конфликта и взаимодействия социальных интересов, невозможным становится само общество как институционально и процессуально выраженный компромисс интересов. Именно поэтому наибольшее внимание стало уделяться как новым дисциплинарным практикам, так и диалогу, коммуникации социальных сил, способам достижения ими устойчивых договоренностей (конвенций), выраженным в различных демократических механизмах и институтах, в число которых входят выборы, референдумы, непосредственное участие граждан в принятии властных решений, демонстрации, митинги, суды присяжных, сходы граждан, общественные слушания и т.п.

В ситуации Модерна политическое сообщество впервые выработало систему принципиальной незавершаемости методов разрешения внутренних конфликтов, которая позволяет периодически пересматривать условия общественного договора: доминирующие социальные силы получают легитимность, ограниченную временным периодом. Это дает возможность отказаться от экстремальных политических взаимодействий, где победитель получает все, в пользу системы принятия политических решений, учитывающей кооперативные, диалогичные, солидарные стратегии различных социальных сил, что позволяет принимать в расчет интересы разных сторон и изменять общество ненасильственным путем. Модерн первоначально структурировался и консолидировался как классическая либеральная утопия, призванная легитимировать жизненные интересы и расширить перспективы самореализации третьего сословия, составлявшего большинство населения. В ходе своего воплощения эта классическая утопия была в целом реализована, создав принципиально новую систему ценностно-идеологических координат – базовый либеральный консенсус, превратившийся из утопии в ценностно-институциональное ядро повседневности глобального человечества.

Модерн часто критикуется и левыми, и правыми как *железная клетка конформизма* (Г. Маркузе), либо как *тирания эгоистического разума*, ведущая к дегуманизации и обесцениванию человеческого существования. Реальная ситуация представляется более сложной. Скорее следует говорить о том, что современные теории и коллективные практики выдвинули в центр публичного поля и резко повысили саму *чувствительность* общества к политическим проблемам власти, иерархии, распределения ресурсов, справедливости, свободы, солидарности в контексте неустрашимых противоречий групповых интересов. Это вечные политические проблемы, попавшие в фокус массового внимания лишь в современной теоретической оптике, объемно проявившей их *исторический* характер. А значит, данные противоречия могут быть вариативным образом разрешены активными субъектами конституирования политического порядка.

II

Социальные науки в привычном нам дисциплинарном виде возникли как системная ценностно-институциональная рефлексия становящегося современного общества. В конце XIX – начале XX в. большинство классиков европейской общественной мысли на онтологическом уровне рефлексировало и обобщало признаки современного общества бинарными концепциями всеобщего перехода от аграрного феодализма к промышленному капитализму (К. Маркс), от традиционного общества к современному (М. Вебер), от органической солидарности к механической (Э. Дюркгейм), от общины к обществу (Ф. Теннис), от военного общества к промышленному (Г. Спенсер) и т.д. Таким образом, практически все классические социально-политические макротейории, осмысляющие переход к Модерну и само состояние современности, построены на выделении эволюционных стадий развития, своего рода бинарных временных кодов, один из которых имеет привилегированное положение будущего, а другой олицетворяет прошлое. И этот переход действительно состоялся в мировом масштабе, но проект Модерна исторически на этом не завершился, запустив процессы внутренней дифференциации и усложнения.

Институционально Модерн выражается в усложнении подсистем общества, каждая из которых – экономика, политика, наука, искусство и т.д. – получает регулятивную автономию, собственные ценности и язык описания. При этом Модерн полностью не вытесняет предшествующие общественные отношения. Ценностная система Модерна функционирует параллельно с предшествующими нормами социальной регуляции, постепенно замещая их. В итоге наряду с реципрокным и дистрибутивным обменом, патримониальным политическим порядком и патрон-клиентскими отношениями элит разных уровней формируются гражданские нации-государства, саморегулируемый рынок, рациональная бюрократия, массовые партии, профсоюзы, гражданские организации, представительные органы власти и т.д. Во всех без исключения современных обществах можно констатировать одновременность сосуществования и наложение в разных сферах жизни реципрокных (дарообменных, семейных, клановых), дистрибутивных и рыночных отношений, а также постепенное изменение их пропорций в долгом историческом времени в пользу последних. Новые социальные нормы и регуляторы никогда не вытесняют старые одномоментно и полностью. Часто подобное вытеснение принимает гибридную форму, когда ценности Модерна на институциональном уровне частично смешиваются с отживающей культурной традицией. Ослабление роли старых ценностей и сословий, понятий и практик в исторической перспективе создает переходные институциональные эффекты, которые часто и неубедительно объясняются культурно-цивилизационной спецификой (уникальностью) того или иного общества.

В настоящее время в центре дискуссий находится проблема глобальной трансформации описанного классиками национального, классово-

индустриального и преимущественно западного Модерна в поздний, глобальный, второй или рефлексивный Модерн. В мире происходит закономерная трансформация модели национального Модерна, которая из социальной утопии превратилась в привычную повседневность и в XXI в. все менее релевантна для полного описания социально-политических и культурных режимов значительной части человечества. Трансформации базовой модели национального Модерна способствовали:

- предельное насыщение глобальных рынков, неуклонное падение нормы прибыли, и усиление факторов нерыночной конкуренции, ведущих к кризису идеализированной модели конкурентно-рыночной саморегуляции, некритично масштабируемой на любые сферы жизни общества;
- технологическая революция, связанная с автоматизацией и роботизацией; ускорение динамики изменений позднемодерных обществ *без экономического роста и массового труда*;
- трансформация социальной структуры общества и принципов его стратификации, все менее связанных с рынком; рост доли *лишних людей с точки зрения и рынка, и государства*;
- увеличение внутренней *гетерархии* и *гетеротопии* территориальных наций-государств в силу разнообразных внутренних и внешних вызовов;
- умножение и усиление негосударственных политических субъектов в глобальном мире (ТНК, сети городов и др.).

Однако Модерн, невзирая на убедительную критику, остается базовой моделью для релевантного описания и легитимации глобальной культурной и экономико-политической реальности, которая пока не вытеснена на периферию истории альтернативными политическими проектами. Поэтому ведущие исследователи, несмотря на постоянно наблюдаемые институциональные изменения и ценностные вызовы, подчеркивают, что мы продолжаем иметь дело именно с Модерном, будь то *сингулярная современность* Ф. Джеймисона, *текущая современность* З. Баумана, *гипермодерн* А. Турена, *космополитический, второй или поздний Модерн* У. Бека или концепция *радикального Модерна* Э. Гидденса. В глобальном мире нарастает интенсивность интеллектуальных вызовов Модерну со стороны *архаизирующих* описаний и метафор (неофеодализм, неопатримониализм, традиционные ценности, корпоративизм, новая сословность и т.д.). Однако главное – не институциональный, а более универсальный этический вызов, который в них не был предложен. Модерн в ходе исторических видоизменений так и не был вытеснен альтернативным политическим проектом соразмерного уровня универсальности, легитимности и релевантности, будь то постмодерн, коммунизм, альтерглобализм, мировая империя (М. Хардт и А. Негри), религиозный фундаментализм, цивилизационные теории, теории автаркии и изоляционизма, разнообразные утопические и традиционалистские проекты (см.: Фишман 2008).

Стоит отметить, что наиболее эвристичный критический вызов Модерну был брошен постмодернизмом. Убедительные образцы ценностной

и методологической критики Модерна можно найти в работах Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара и др. Например, Ф. Джеймисон утверждает, что интеллектуальная карта Модерна в социальной теории во многом выработала свой эвристический потенциал, фактически став синонимом капитализма. Но и постмодерн, в свою очередь, не стал глобальной утопией, бросающей реальный вызов Модерну, выродившись в инструментальную культурную логику позднего капитализма (см.: Jameson 1991). Со временем постмодернистские теории, претендовавшие на глобальную альтернативу ценностному ядру Модерна, оказались встроены в него на условиях критической рефлексии. Постмодернизм органически вырос из внутренних противоречий позднего Модерна, инициированных успешной практической реализацией современной утопии. Поскольку всякая социальная утопия, разворачиваясь институционально и будучи материализованной, порождает новую социальную реальность, возникают классы, технологии и конфликты, которые не могли быть предсказаны в самом ее начале.

Постмодернизм в теоретическом отношении выявил *проклятую сторону* Модерна (Ж. Бодрийяр). Постмодернистские теории оказались эвристически сильными в изучении различных разрывов, границ, периферий, культурных противоречий политического проекта Модерна, связанных с критикой и вызовами, продуцируемыми разного рода периферией (географической, экономической, культурной), доминирующим ценностям и центрам. Однако постмодернизм оказался не в состоянии предложить альтернативный глобальный политический проект, так как не обладает способностью генерировать универсальное и тотальное в области ценностей и целей. Аиерархические ценности и *сетевые принципы* политики, связанные с критикой любого *подавляющего периферии центризма*, оказались нереализуемы на практике. Одна из сетей или коммуникаций все равно становится упорядочивающей и доминирующей, в противном случае мы можем иметь дело лишь с радикальным анархизмом, отрицающим государство, политический порядок и общество как таковое. Таким образом, если Модерн ведет к индивидуальному и коллективному освобождению, сознательному и целерациональному преобразованию мира, то постмодерн оборачивается вынужденными критическими и реактивными стратегиями, связанными с адаптивным приспособлением индивидов и их групп к общественным, технологическим и ценностным изменениям, над которыми они, по сути, не властны.

Формирование консолидированной модели позднего Модерна осуществляется на фоне эффекта *исторической неодновременности*, когда одни регионы мира вступают в глобальную и постиндустриальную стадии Модерна, а другие только переживают процесс форсированной модернизации и институциональной адаптации к Модерну в виде образования наций-государств. Классические программы социального знания первоначально Модерна были ориентированы на нацию-государство как легитимную политическую форму своего практического воплощения. Именно поэтому К. Маркс еще мог опираться на *английскую* политэкономия, *немецкую* философию и *французских* утопистов. В условиях глобального Модерна любые

национальные школы и теоретические модели социального знания утрачивают самодостаточность; отдельные нации превращаются лишь в *частное* или *особенное* в сравнении с фоновыми всеобщими закономерностями, которые релевантны только для человечества в целом.

Часть популярных теорий, особенно в области экономики, продолжает использовать онтологические модификации дискурса транзита в описании становления и последующих трансформаций Модерна. Например, Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст описывают модернизацию как переход от *естественного государства* к обществу *открытого доступа*, осуществляемый через трансформацию взаимодействия элит. Последние перестают быть закрытыми и начинают руководствоваться обезличенными правилами (см.: North, Wallis, Weingast 2009). Аналогичен ход мысли Д. Аджемоглу и Д. Робинсона, которые описывают историю Модерна как институциональную трансформацию обществ с доминированием экстрактивных (извлекающих) институтов в общества с преобладанием инклюзивных (включающих) институтов (см.: Acemoglu, Robinson 2012). На этом фоне более значимыми и убедительными представляются фундированные на многолетних глобальных социологических опросах оптимистические идеи Р. Инглхарта и К. Вельцеля о трансформации ценностной системы современных обществ. Они обосновывают всеобщий переход от *материальных ценностей выживания*, гарантированных большинству граждан во время развертывания раннеиндустриального Модерна, к *постматериальным ценностям самореализации*, свойственным постиндустриальным обществам (см.: Inglehart, Welzel 2005).

В радикально идеализированном виде концепция всеобщего транзита была применена Ф. Фукуямой, пытавшимся обосновать, что все современные общества закономерно движутся в направлении господства рынка и либеральной демократии (см.: Fukuyama 1992). Сторонники движения к *плоскому миру* и *концу истории* приводят доводы в пользу этического и политического объединения человечества, при этом глобализация интерпретируется как последовательное стирание домодерных культурных различий (Д. Бхагвати, Т. Фридман, И. Валлерстайн, А. Мэддисон, А. Турен и др.). Соответственно, длящийся Модерн может быть адекватно объяснен только посредством трансформации собственных ценностных координат. И если мы не можем объяснить наблюдаемое разнообразие в логике развития закономерностей самого Модерна, то любые альтернативные объяснения будут, как правило, еще более локальными, иррациональными и неубедительными, почерпнутыми в области домодерной истории.

Наконец, существуют достаточно продуктивные, хотя и поспешные попытки З. Баумана и У. Бека смоделировать позднемодерное общество на основе новейших, но неустойчивых этических, онтологических, технологических тенденций, отдельных признаков и изменений с учетом перспективы их будущего масштабирования (см.: Bauman 2000; Beck 1992). В этом же ряду стоят концепции, предсказывающие необратимый поворот современного общества к новым механизмам самоорганизации. Таковы, например, концепции постиндустриального и постфордистского общества (см.: Ильчен-

ко, Мартьянов 2015), сетевого общества (М. Кастельс, А. Бард и др.), информационного общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, Ф. Уэбстер, В. Иноземцев и др.), имевшие значительное влияние на общественную мысль в конце XX в. Эти теории были слишком поспешно фундированы некоторыми частными тенденциями общественного развития и обернулись утопиями, завышенными социальными ожиданиями. Теории *информационного общества, общества знания, тотального роста влияния креативного класса, факторов роботизации и искусственного интеллекта* оказались наивно оптимистичными, являя скорее желаемый образ будущего, нежели реальное состояние даже самых развитых обществ.

III

В наиболее общем виде ценностное ядро Модерна представляет собой исторически подвижную конструкцию из взаимосвязанных нарративов, организующих институциональное пространство посттрадиционного общества. Прежде всего, это совокупность современных идеологий/утопий и конфликт их ценностных обоснований, отражающий динамику столкновения интересов социальных сил, укорененных в экономических макроклассах. Данная исследовательская традиция опирается преимущественно на работы К. Маркса, К. Мангейма, А. Грамши, Г. Маркузе, Ф. Джеймисона и др., в которых появление и трансформация Модерна обусловлены онтологией капитализма и порождаемой им классовой структурой.

Базовыми современными основаниями являются *капитализм, либерализм и национализм*. Капитализм генерирует постоянный прирост ресурсов и задает доминирующую стратификацию общества на экономические классы на основании их роли в рыночной экономике. Стратегия морально-политической компенсации негативных экстерналий и общественных издержек капитализма осуществляется в виде постоянно пересматриваемого *либерального консенсуса* (И. Валлерстайн), представляющего собой фундаментальный сплав разных версий консерватизма, социализма и лево-правого радикализма внутри институционально реализованной либеральной утопии.

Наконец, национальное государство выступает как доминирующая политическая форма, включающая в себя территориальный суверенитет, властный аппарат и гражданство. Нация-государство позволяет создать приемлемый баланс рынка и фоновых, внеэкономических факторов обеспечения его существования, которые сам капитализм и его теории предпочитают выносить за концептуальные скобки. Таково сочетание капиталистического производства, эксплуатации, конкуренции и накопления капитала с институциональным закреплением государственных механизмов снижения неравенств и широкого перечня неотчуждаемых гарантий, прав и свобод граждан. Нарастающий кризис модели позднего Модерна связан с одновременной легитимацией множественных процессов индивидуализации и глобализации, которые фрагментировали сложившиеся институты и практики солидарности наций, регулируемые преимущественно государством: «Изменения, какими

бы оправданными они ни были с нормативной точки зрения, подрывали основы социально-политического устройства. Они подорвали демократию, лишив конкретности коллективность, которая самостоятельно определяет свои правила (уже не нация, но еще не Европа и не земной шар), и ослабив связи между членами политического сообщества» (Wagner 2017: 131, здесь и далее перевод наш. – В. М.). В результате новые свободы и привилегированные исключения для одних превращаются в несвободы, ограничения и потери для других. Глобальные рынки и транснациональные корпорации выходят из-под дисциплинарной и солидарной регуляции национальных государств, оптимизируют налоги в офшорах, переносят производства в страны с низкими расценками на рабочую силу и ресурсы, способствуя глобальной *уберизации*. Подобный *рыночный номадизм*, вырвавшийся из-под контроля национального государства, оборачивается потерей налогов и ростом безработицы в странах исхода и параллельной сверхэксплуатацией в странах размещения, что в обоих случаях противоречит интересам большинства населения. Проигрывают и те и другие политические сообщества, в прибыли остаются лишь акционеры ТНК. В формировании современных наций значительную роль сыграло обеспечение интересов национальной буржуазии, однако транснациональная олигархия в свою очередь заинтересована в преодолении невыгодных ограничений и обременений, накладываемых национальными юрисдикциями.

За координацию и примирение конфликтных коллективных интересов в современном обществе отвечает концепт *демократии*, наиболее последовательно проработанный в хабермасовской идее коммуникативного консенсуса. Осмысление и легитимация постоянных изменений современного общества как *социальной нормы* представлены концептами *прогресса* и *революции*. Имманентная Модерну теория прогресса (модернизации) институционально представляет собой дифференциацию новых автономных (самореферентных) подсистем все более сложно устроенного общества, делегирование им функций социального регулирования и полномочий по производству норм. Эти нарративы образуют ценностное и функциональное единство Модерна, основу его самоописания, воспроизводства и легитимации социального порядка.

Каждый из указанных нарративов в условиях исторической эволюции Модерна претерпевает существенные изменения.

П. Вагнер отмечает, что идея прогресса во многом исчерпала свой утопический (объясняющий и легитимирующий) потенциал преобразования общества: «То, что нас ждет, это, судя по всему, войны и насилия, бедность и неравенство, продолжение эксплуатации и репрессий, которые в лучшем случае будут прерываться ограниченными во времени и пространстве периодами относительного мира, благополучия, равенства и свободы. Оптимизм тех, кто полагал, что прогресс уже достигнут, уступил место пессимизму тех, кто считал, что устойчивый прогресс недостижим» (Вагнер 2022: 74). Это подтверждает кризис прогресса, понимаемого как всеобщее освобождение (как индивидуальное, так и коллективное) от исторических систем эксплуатации, принуждения и подавления. Однако идея прогресса в

условиях позднего Модерна в сравнении со своей первоначальной версией может быть переосмыслена в другой ценностной перспективе: «...в то время как ранний нарратив модерна о прогрессе осмеливался двигать нас всех к утопии, сегодня каждый пытается самостоятельно избежать спроецированной (экологической, экономической, социальной, ментальной или вирусной) антиутопии. Если проект модерна изначально был нацелен на лучшее будущее, то его сегодняшняя траектория, похоже, направлена на то, чтобы избежать худшего» (Мунк, Гилен 2022: 23).

Все более критическую рефлексию встречают тезисы об окончательности прогресса в области социально-политического устройства общества и достижении отдельными обществами некоего предельно совершенного либерально-демократического рыночного состояния, когда пространство прогресса (улучшающих изменений) остается только в науке и технологиях. Конец *конца истории* воскрешает радикальные возможности для прогресса и для регресса, показывая, что современные общества находятся в состоянии постоянных изменений. Прежние лидеры и гегемоны могут деградировать, а нарастающие отклонения имеют шанс стать новыми нормами в системе идеологических координат, предлагающей другие интерпретации прогресса, общественного блага, справедливости, свободы и т.д.

Нарратив либерализма демонстрирует тенденцию отказа от модели либерального консенсуса коллективных политических интересов: а) на основе современных идеологий и б) в пределах отдельных наций – в пользу формирования контуров глобальной либеральной этики, основанной на согласии относительно универсальных прав и свобод человека и запросах на выработку глобальных морально-политических конвенций. Параллельно существующая негативная тенденция состоит в том, что либеральный консенсус претерпевает трансформацию, связанную с потерей идеологического содержания. Для его выражения служит риторика *здравого смысла, популизма и прагматизма*.

Нарратив демократии претерпевает эволюцию от принципов диктатуры большинства, мобилизации масс и расширения круга граждан, наделенных политическими правами, к проблемам сосуществования многосоставного общества, доступа к гражданским правам и равенству возможностей граждан и иммигрантов. Эволюция нарратива национализма связана с движением от сакрализации территориального суверенитета к экстра-территориальным принципам *открытого права*. Территориально организованные нации в *плоском мире* (Т. Фридман) не могут обрести необходимой убедительности в области выработки политического законодательства для всего человечества. В условиях открытости границ и усиливающейся мобильности легитимирующие доводы любых решений и законов неизбежно смещаются от национального масштаба к масштабу всего человечества.

Политическая логика наций-государств все меньше соответствует интенсивному взаимодействию и взаимозависимости человечества на глобальном уровне. Переход к позднему Модерну характеризуется своего рода распадом скреп нормативного национализма как единства индивидуальных прав, коллективной автономии граждан и территориально

ограниченного суверенного пространства. Фактор сакрализации ограниченной территории становится менее значимым. Соответственно, нации как территориальные сообщества испытывают возрастающий дефицит легитимности. Возрастающий дефицит легитимности испытывают и национализм, концепции суверенитета, исторической, этнической, языковой близости членов территориального сообщества. Историческая реализация утопии национального Модерна в форме наций-государств для большей части человечества одновременно оборачивается ее профанизацией как потерей национальной политикой трансцендентного измерения сначала для элит, а потом для всех остальных.

Если национализм возник как исторический способ интеграции и внутренней унификации гетерогенного политического пространства в ходе централизации многосоставных государств, то в настоящее время он может быть переосмыслен как способ защиты конкретного общества от глобальной экспансии мироэкономики, поляризующей национальные сообщества и усиливающей их зависимость от внешних факторов, субъектов и контекстов взаимодействия. Эффект экономического роста в течение определенного исторического периода затушевывал моральную ограниченность и негуманную целерациональность капиталистической миросистемы. Завершенная глобализация капитала и технологические революции, девальвирующие ценность *людей труда*, а также остановка глобального экономического роста заставляют пересмотреть классический нарратив капитализма, связанный с постоянной географической экспансией и рыночной конкуренцией, в пользу рентных моделей (см.: Мартьянов 2017а).

Следует отметить, что ценностное ядро Модерна *амбивалентно*, оно одновременно является способом *объяснения*, но также *реморализации/легитимации* практик капитализма. Модерные идеологии и утопии призваны смягчить провоцируемый капитализмом перманентный моральный кризис в условиях экспансии ограниченной модели *человека экономического*, которая совершенно недостаточна для удержания общества от распада (см.: Мартьянов 2017б). В свою очередь капитализм стремится отождествиться с Модерном посредством его редукции к *нейтральным* теориям *модернизации, прогресса, развития*, призванным замаскировать отсутствие в нем каких-либо социальных целей и коллективных надежд (см.: Jameson 2009). Капитализм не имеет всеобщей политической цели, какого-либо горизонта социальной утопии, не может произвести самолегитимации, касающейся общества в целом. Поэтому он вынужден обращаться к паллиативным вариантам внеэкономического оправдания своих экономических практик, прежде всего к отождествлению с Модерном. Первоначальная логика расширения капитализма как *колониализма* и *прогрессорства* была впоследствии подвергнута обоснованной критике. Не меньшей критике была подвергнута и экспансия капитализма во все сферы социальной жизни, выходящие за пределы рыночных обменов, породившая тотальную коммодификацию социальных отношений.

В данном контексте очевиден идейный генезис Модерна из кризиса религиозной регуляции традиционного общества. Принципы капитали-

стической миросистемы, освобожденной от ограничителей христианской морали, зародились в Европе XVI в., а затем через циклы буржуазных революций, процессы колонизации (вестернизации), глобализации культурных, экономических, массмедийных коммуникаций постепенно охватили весь мир.

Концепция прав и свобод человека, фундированная либеральным консенсусом, стала своеобразным способом сосуществования христианских ценностей в их гуманистической, секулярной интерпретации и логики функционирования капитализма, во многом строящейся на попрании данных ценностей. Модерные идеологии смогли обосновать гибридные интеллектуальные конструкции, совмещающие ценности рынка, конкуренции, личного успеха, бесконечного накопления капитала, классового неравенства людей, свойственные общественным отношениям эпохи капитализма, с христианскими принципами милосердия, равенства, братства, солидарности и взаимопомощи. В силу этого ценности Модерна характеризуются не присущей традиционным обществам двойственностью: последовательным разделением и автономизацией частной и публичной сфер, где в области частной жизни продолжает существовать христианская мораль, в то время как правила публичной сферы определяются более ограниченными прагматическими версиями морали *экономического человека*.

В области политической философии в качестве эффективной стратегии этической самокоррекции Модерна выступают *теории справедливости*, позволяющие ему сохранять утопическое измерение. Теории справедливости в современной политической мысли приобретают популярность как инструментарий *ремонта* общества позднего Модерна в контексте поддержания легитимности *status quo*. Однако в перспективе Модерна потребуются скорее не дискурс *ремонта* (Дж. Александер), не возврат к *этике добродетели* (А. Макинтайр) или консервация *конца истории* (Ф. Фукуяма), а принципиальная способность к конструированию более универсальных этических оснований своего существования, которые можно было бы положить в основу публичного общественного согласия.

IV

О сохраняющемся внутреннем единстве Модерна позволяет утверждать его ценностная консолидация при вариативности институциональной реализации в конкретно-исторических обществах. Модерн можно рассматривать как относительно открытый для изменений конструктор ценностей и вариантов их взаимодействия, в том числе институционального. Однако наличие *пространства интерпретации* ценностей не отменяет концептуального единства и конечности базового ценностного набора Модерна, а также его иерархической структуры. В противном случае подтверждение или признание Модерна как *целостного концепта* и/или *феномена* оказалось бы чрезвычайно затруднительным, если вообще возможным (см.: Wagner 2008).

В ходе исторической эволюции Модерна можно наблюдать его последовательное разотождествление с европейской версией, представлявшей канонической и единственно правильной в дискурсах *колониализации, догоняющей модернизации, вестернизации, цивилизации и транзитологии*. Поздний Модерн является географическим расширением на весь мир своей первоначальной европейской модели, избавившейся от своего *особенного* культурно-исторического содержания и традиций в пользу политических идей и институтов, ставших универсальными. На глобальном уровне Модерн отказывается от своих нетранзитивных уникальных черт в пользу таких своих свойств, которые действительно могут стать всеобщими, надстраиваясь над любыми предшествующими традициями и культурами.

Модерн нормативно универсален, но при этом достаточно гетерогенен в институциональном плане, в области реализации своего ценностного ядра. Эта конкуренция институциональных версий Модерна является условием его гибкого, недогматического развития во всем мире. Неодновременность развития Модерна в разных частях мира обусловила тот факт, что после европейской все более поздние версии институционализации современного общества уже имели перед собой готовые образцы модерности, с которыми они вступали в разнообразные культурные конфликты и взаимодействия.

Таким образом, если изначальное культурно-историческое ядро Модерна было детерминировано Европой или – шире – Западом, то в дальнейшем можно говорить о растущей культурной индифферентности постевропейского Модерна, его автономии от *path dependence* (зависимость от предшествующего развития), о чем свидетельствует множество примеров эффективной модернизации государств и регионов, культурно отличных от Европы. Глобализация Модерна подтверждает большую релевантность в поисках общественных закономерностей современного общества аргументации гегелевско-марксистской философии истории и формационного подхода, чем позиций цивилизационных теорий (Ч. Тейлор, С. Хантингтон, П. Бьюкенен, Дж. Томпсон, Дж. Александер и др.), акцентирующих важность культурных отличий обществ. К тому же попытки синтеза формационного и цивилизационного подходов в нечто третье, например в виде *социокультурного подхода*, представленного в концепции *множественной современности* (Ш. Эйзенштадт, Й. Арансон, В. Шлюхтер, Б. Виттрок и др.), оказываются эвристически неудовлетворительными и методологически противоречивыми (см.: Eisenstadt 2000). Методологическая проблема указанных теорий, опирающихся на представление о *цивилизационной норме*, состоит в том, что они трактуют все многообразие не вписывающихся в них обществ лишь как *временные отклонения*. Но отклонения, как правило, не исчезают, а продолжают накапливаться, пока под вопросом не оказывается легитимность самой нормы, в том числе и для той цивилизации, которая, породив исторический образец, со временем все больше отступала от него. Безусловно, при расширении и интенсификации Модерна существуют *откатные волны* и *реакции отторжения* на слишком быстрые процессы догоняющей или авторитарной модернизации полупериферии и периферии капиталистиче-

ской миросистемы. При этом возникает интеллектуальный соблазн именно контрмодернизационные волны и консервативные реакции принимать за доказательство существования непреодолимых культурных различий, возврата к традиции, цивилизационной уникальности и автономии конкретных обществ, что обуславливает неприменимость к ним современных ценностей. Однако трудности на пути к Современности вовсе не тождественны отказу от Модерна.

Тезис о *множественной современности* априори предполагает сохранение и легитимацию домодерных культурных отличий в ценностной системе Модерна, оборачиваясь цивилизационным подходом, который пользуется концептуальным аппаратом Модерна для его опровержения и фрагментации. Сторонники цивилизационного подхода совершенно невнятным образом упрекают миросистемный подход и марксизм именно в том, в чем они методологически наиболее сильны и последовательны, в частности в неспособности к познанию и убедительному обобщению закономерностей человеческой истории, а также в том, что в них якобы «не учитывается принцип “историзации”, роль исторической контингентности, автономии культуры и герменевтической открытости самой модерности, которые порождают множественные интерпретации и конкурирующие программы социального устройства» (Козловский 2021: 128). В процитированном выше тексте далее указывается, что «преодоление эвристических ограничений линейно-телеологических, детерминистских и западоцентричных подходов в научном осмыслении многообразия опыта модернизации и гетерогенности современных обществ стало стимулом для разработки теории множественных модерностей» (Козловский 2021: 128). Однако эти исследовательские вопросы давно и плодотворно обсуждаются в мейнстримных направлениях марксизма и миросистемного подхода в виде критической рефлексии второго, позднего или глобального Модерна. Общественные науки XXI в. отказались от карикатурно представленного в цитате европейского цивилизаторства, прогрессизма и колониализма образца XIX в. *Множественная модерность* становится пустым понятием, поскольку отказ от линейности истории, западоцентризма и чувствительность к культуре вполне эффективно сочетаются с анализом общечеловеческих закономерностей развития современного общества как такового, которое нет необходимости дробить на автономные подмножества, имевшие место в истории.

Указанный подход некритично смешивает универсализм ценностей Модерна, фоновые закономерности человеческого развития в *долгом историческом времени*, выходящие за пределы любых цивилизаций, с очевидным различием культурных сред и моделей их реализации. Уязвимость методологического компромисса, заложенного в концепции *множественной современности*, состоит в том, что Модерн, трактуемый как соревнование разных культурных программ, неизбежно превращается в попытку предложить некие объясняющие общество *цивилизационные модели* Модерна, детерминированные историко-культурными особенностями мировых цивилизаций. А значит, Модерн не упраздняет предшествующие ему

исторические цивилизации, наоборот, цивилизации становятся современными, не утрачивая своих непреодолимых культурных различий. Таким образом, *множественность модерности* в эпоху Модерна превращается в сохраняющееся множество цивилизаций, в совокупность не связанных между собой модерностей.

Представляется, что в действительности конфликт Модерна с культурой отдельных цивилизаций невозможен, так как предшествующие культурные отличия неизменно уходят на периферию общественной жизни. Культурные нормы Модерна впервые появились на Западе, однако при распространении за его пределы они не ведут к автоматической *колонизации* и *вестернизации*. Принятие ценностей рынка, либерализма, демократии, прав человека, прогресса и т.д. не тождественно подрыву оснований какой-либо незападной культуры – эти ценности являются вызовом *любой предшествующей* традиционной культуре, в том числе западной традиции. Поэтому все более популярная *культуроцентричная* концепция *множественной модерности* содержит фундаментальную концептуальную натяжку – культурные факторы относятся к значимым домодерным отличиям человеческих обществ, но вряд ли являются таковыми внутри глобального Модерна (см.: Мартьянов 2010). В данном контексте любая культура имеет значение, однако культурные версии не могут рассматриваться в качестве доминирующих объяснительных факторов внутри Модерна, в чьем культурном анамнезе история Запада, освобожденная от своей партикулярности. Представляется, что проблема влияния культурных факторов в контексте глобального Модерна более сложна. Каждое общество стремится подобрать более тонкие социокультурные настройки, способствующие эффективному сочетанию индивидуальной автономии, коллективного взаимодействия, рыночной и государственной регуляции в реализации современных ценностей с учетом зависимости от предшествующего культурного развития. Настройка культурной среды развертывания Модерна в конкретно-историческом обществе является лишь производной проблемой, которая переоценивается и ставится приверженцами *множественной модерности* в центр их концептуальных построений.

Глобальное масштабирование и интенсификация Модерна осуществляются в условиях *исторической неодновременности* разных обществ. Это дает повод для интеллектуальных спекуляций о непреодолимости культурных барьеров и традиций разных цивилизаций, хотя на самом деле культурное единство современных наций-государств формировалось одновременно с их экономической и политической консолидацией, а вовсе не предшествовало ей. Более того, процессы универсализации норм и стандартов культуры, политики, экономики и права в современном мире доминируют над вторичной реакцией на них, выражаемой в попытках культурной, этнической, религиозной фрагментации мира. Поэтому черпать ресурсы дальнейшего развития в сомнительных исторических аналогиях, цивилизационном подходе, традиционализме, фундаментализме, *культурной генетике*, непреодолимых идентичностях или моделях этнонационализма представляется все менее эффективным предприятием.

Глобальный Модерн предполагает способность конкретного общества жить в соответствии со всеобщими политическими правилами, одновременно их вырабатывая; мыслить с общечеловеческих позиций, принимая во внимание более универсальные закономерности и фоновые факторы, выходящие за пределы суверенной территориальности, исторического национального мифа и охватывающие все человечество. *Если национальный Модерн предстает институционализацией либеральной утопии, то движение к общечеловеческому Модерну парадоксальным образом оборачивается не отрицанием, а радикализацией ее ценностных оснований.* Например, Э. Гидденс рассматривает глобализацию как процесс ценностной радикализации Модерна, охватывающий весь мир, как переход от его *ограниченной* версии к *зрелой* (см.: Giddens 1990). Этот переход характеризуется возрастанием динамики социальных изменений и триумфом индивидуальности, которая радикально освобождается от внешних регуляторов и выражается ростом осознанной или рефлексивной социализации, приходящей на смену социальности, регулируемой обществом. Глобализация предстает как *мегатенденция*, все более принимающая незападный вид, охватывая мир в целом и бросая вызов привычной системе наций-государств.

Глобальный Модерн культурно, географически и исторически все менее соответствует классическим теориям модернизации, пытавшимся выстроить универсальную иерархию Модерна в мировом масштабе, где страны центра миросистемы являют образцы *конца истории* для вечно отстающей периферии, стремящейся к капитализму, демократии, формированию нации-государства, рациональной бюрократии, автономии индивида, разделению власти и собственности и т.д. Когда общие идейные универсалии реализуются на практике в разных регионах мира, неизбежно возникают институциональные инварианты сплава либерализма, демократии, национализма и капитализма внутри Модерна. Однако перенос конкретной конфигурации национального Модерна в неизменном виде на любую иную социокультурную реальность невозможен. Политические нормы в основании Европейского союза принципиально отличаются и во многом отрицают изначальные принципы национального Модерна. От сакрализации территориальности наций-государств может со временем произойти отказ в пользу более универсальных политических проектов, предполагающих своим местом действия весь мир и все человечество.

Промежуточным этапом движения от наций-государств к глобально более интегрированной и консолидированной мирополитике может быть усиление регулятивной роли межстрановых объединений, таможенных и валютных союзов, зон свободной торговли, общих рынков и т.д. Ценностная и институциональная интеграция человечества предполагает ослабление в мирополитике военного, географического и политического центра. Центр будет функционировать не как экономическая монополия или политический гегемон, но скорее как места сгущения ресурсов, наложения иерархий и сетей в разных областях. Центр будет меньше выражен институционально, но больше – ценностно, на уровне общих правил и целей.

V

Историческим вызовом Модерну выступает накопление его ценностно-институциональных противоречий, связанных с постоянным изменением доминирующих политических субъектов и социальных групп. Структура современного общества не является статичной, она внутренне противоречива, находится в процессе бесконечного становления и обновления. На ее преобразование влияет множество процессов, связанных с исторической динамикой изменения ключевых социальных групп и их ценностей, технологий, ресурсной базы общества, принципов распределения ресурсов, критериев коллективной идентичности в пространстве и времени и т.д. Новейшие социальные движения за свободу все более локальных меньшинств (этнических, гендерных, классовых, региональных и т.д.) апеллируют к обещаниям окончательного и всеобщего освобождения, данным идеей прогресса, но не выполненным в полном объеме ни в одном современном обществе. Однако, пытаясь выполнить эти утопические обещания, протестные движения позднего Модерна парадоксальным образом приходят к противоположному результату. Разрушив многие достигнутые ранее социальные, политические, культурные конвенции *классового-индустриального* или *организованного Модерна* (П. Вагнер), они не смогли предложить принципиально новой сборки альтернативных механизмов политической гегемонии и воспроизводства общественного согласия и лишь критиковали несовершенство статус-кво и усиливали аргументы в пользу множества локальных конфликтных линий, пронизывающих позднемодерное общество.

Например, первоначально развертывание либеральной утопии предполагало включение всего населения в состав политического класса и наделение в качестве граждан конфигурацией базовых прав и гарантий взамен на обязательства, выходящие за пределы повседневной жизни и связанные с повышением налоговой нагрузки, активным участием в управлении и войнах. Всеобщая доступность формальных прав породила новые горизонты утопии освобождения, связанные с требованиями интенсификации коллективного участия в принятии общественно значимых решений (в политике, экономике, культуре и т.д.), расширением социальных лифтов и возможностей индивидуального самовыражения. Потенциальное расширение свобод в указанных направлениях не имеет предела, а потому приводит к разрушению либерального консенсуса посредством порождения множественных стандартов, возможностей и доступов к ресурсам для все более дифференцированной и все более неравной между собой совокупности разных коллективностей. Порядок легитимного доминирования и организованного господства, который опровергают локальные социальные группы, в итоге не сменяется всеобщим освобождением и прогрессом, но приобретает все более уродливые и противоречивые конфигурации, пронизанные двойными стандартами и избирательными решениями, которые направлены на деконструкцию и критику либерального консенсуса.

Радикализация ценностей Модерна, вне контекста конкретных историко-культурных наций и сложившихся в них дисциплинарных вариаций политических порядков, зачастую характеризуемых как железные клетки для духа свободы, ведет к новым противоречиям современного общества. Это проявляется в феномене рефлексивной модернизации, когда в позднемодерных обществах критическая мысль обращается на исходные ценностные основания Модерна, сравнивая утопические обещания с несовершенными (частичными и непоследовательными) результатами их воплощения, в свою очередь порождающими новые социальные противоречия, несправедливости и конфликты (см.: Векс 1992). Это происходит в том числе и потому, что новые социальные движения во имя прогресса и свободы все чаще предлагают партикулярные решения, улучшающие положение отдельных меньшинств, которые не могут стать тотальной альтернативой нарративу Модерна, в чьем фундаменте находится агрегация интереса большинства. Это взаимоприемлемый и терпимый уровень несогласия ключевых групп, примиряющий большинство с социально-политическим и экономическим порядком. Более того, совершенствуются технологии наблюдения, контроля, манипулирования и дисциплинирования граждан, что вызывает дополнительное отторжение большинства от публичной сферы и властных меньшинств, активно пользующихся стратегиями биополитики в собственных интересах (см.: Фуко 2011).

В результате совокупность социальных движений по разным основаниям опровергает базовый нарратив Модерна и стоящий за ним порядок гегемонии, но вместе с ними расшатывается достигнутое ранее и институционально закрепленное дисциплинарное пространство базовой всеобщей свободы, справедливости и равенства перед законом. В подобной трактовке последовательная радикализация разнообразных производных, дополнений и интерпретаций либерального консенсуса Модерна в итоге создает ситуацию всеобщего ресентимента, в которой невозможно договориться о нормативном и универсальном самопонимании общества. Общество последовательно распадается на совокупность мало пересекающихся либо параллельных социальных миров, регулируемых собственными автономными нормами, которым не требуется быть признанными, а тем более желательными ключевыми социальными группами. Это структурно возвращает ситуацию Средневековья как *общества сообществ*, в котором отсутствовала всеобщая уравнивающая публичная сфера для аристократии, монашества, городских ремесленников, крестьян, военного сословия и т.д. (см.: Гизо 2007: 185).

В *долгом историческом времени* (Ф. Бродель) достигнутое Модерном правовое равенство и индивидуальная автономия граждан внутри политического сообщества, а также степень их вовлеченности в публичную сферу являются уникальными. Величайшей наивностью было бы думать, что подобная историчная ценностно-институциональная конфигурация воплощенной утопии дана человечеству навсегда. Собственные противоречия и трансформации Модерна нарастают, а распад ранее универсальных способов легитимации политических решений, сборки нации, гражданства,

политических и экономических форм статистически является довольно вероятным в ситуации, когда каждое меньшинство борется только за *свою* свободу, интересы и права, теряя горизонт всеобщей свободы. Это означает игнорирование того, что социально-политическое взаимодействие граждан опосредовано разными коллективностями, а следовательно, всем и всюду необходимо договариваться с другими политическими субъектами в рамках конкретно-исторических обществ, сложившихся политических порядков и институтов без апелляций к абстрактному человечеству, обществу или человеку вообще, существующему вне времени и пространства (см.: Вагнер 2022).

Более того, новейшие интерпретации Модерна и цели социальных движений в конкретных обществах вовсе не обречены быть либерально-демократическими и ориентированными на западные образцы. Это может быть, например, вполне сознательный выбор в пользу мусульманской версии современного общества, как в Иране, или китайская версия социализма, демонстрирующая впечатляющие успехи в быстром подъеме уровня жизни полутора миллиардов китайцев. В значительной степени судьба Модерна будет связана с поиском новых интерпретаций социально-политического прогресса, которые могли бы стать более убедительными для меняющегося большинства позднемодерного общества и обеспечить легитимность стоящего за ним политического порядка как предельного гаранта интересов большинства граждан.

Ключевой проблемой реализации утопии Модерна является возможность установления такой устойчивой институциональной конфигурации, которая бы сама по себе нивелировала субъективные предпочтения и аффекты действующих социальных агентов, нацеленные на дискредитацию и фрагментацию современных ценностей: «Если разделить понятие “модерн” на основные составляющие, то обнаружатся четыре элемента: индивидуализм, рационализм, универсализм и акцент на анализе институтов» (Вагнер 2019: 214-215). Институты, с одной стороны, формализуют и гарантируют достигнутые свободы индивидов, с другой – выступают способом нормативизации и синхронизации индивидуального поведения, выполняя важную роль в базовых процессах социализации и поддержания социального порядка.

В ходе исторического развертывания и глобализации Модерна исходные утопии, ценности и идеи были частично воплощены, а частично переосмыслены, подвергаясь постоянной критике, усложнению и дифференциации вслед за онтологическими изменениями современного общества и конфигурации его ключевых социальных групп. Если первый Модерн, как либеральная утопия, стал интеллектуальной рефлексией вызовов, угроз и негативных изменений, инициированных историческими процессами становления капиталистической миросистемы, то второй Модерн концептуализируется как критическое размышление над практическими итогами реализации утопии первого Модерна, породившей новые непредсказуемые противоречия. Эти итоги являются двусмысленными и неокончательными, так как, расширив базовые возможности для большинства, они в то же время вызвали к жизни новые факторы и основания социальных конфликтов.

VI

Модерн в перспективе дальнейшего развития столкнется с серьезными препятствиями и вызовами, однако у него есть значительный потенциал для сохранения своего глобального доминирования. Модерн остается базовым способом самоописания (аутопойезиса) общества в виде объяснения, легитимации и самокоррекции ценностно-институциональной иерархии с целью консолидации базовых социальных групп и стабильного воспроизводства политического порядка, позволяющего удерживать общество от распада посредством широкого признания его ценностного ядра и поддержания его функционирования институтов и коллективных практик.

В контексте комплексных процессов глобализации Модерна одним из ключевых ценностных вызовов является возможность достройки уже существующей капиталистической мироэкономики до *мирополитики*. Все более интенсивное взаимодействие и взаимозависимость человечества на глобальном уровне требуют создания более эффективных механизмов саморегуляции как заботы об интересах человечества в целом. Эта проблема сохраняет утопическое измерение Модерна, его открытость будущему и способность к дальнейшему ценностно-институциональному совершенствованию и доминированию по отношению к любым альтернативным проектам.

В настоящее время экономическая интеграция мира значительно опередила политическую и этическую. Глобализация ценностных оснований Модерна тематизирует этические основания ограниченных интересов и стратегий наций-государств, лидирующих в мире. Эффективная мирополитика предполагает в качестве своего условия выравнивание политического, экономического и правового статуса крупных суверенных наций. Как и во внутреннем публичном пространстве наций-государств, только наличие альтернативных субъектов по отношению к гегемону создает возможность для реальной политики. Переплетение макрорегиональных версий Модерна является более удачной метафорой процесса консолидации человечества, чем попытки выстроить ситуативные иерархии, идеологически зависимые от могущества стран-гегемонов. Более того, глобальный Модерн впервые в человеческой истории содержит возможность создания мирополитики, в которой политическое постепенно утрачивает внешнее пространство, заполненное исключительно врагами. В любых интерпретациях Модерна политика организуется коллективными субъектами разного масштаба, профиля, генезиса. Они могут принадлежать в том числе к формально неполитическим сферам, которые при необходимости могут становиться политическими, обретая шмиттовское политическое измерение друг-враг. В этом смысле рассуждения об индивидуальных свободах и автономии отдельных граждан являются скорее напоминанием о возможности участия в политике в составе тех или иных гражданских структур, нежели о возможности прямо влиять на принятие общественно значимых решений.

Потенциально любая страна, любое коммуникативное сообщество может стать инициатором создания более универсальных принципов Модерна. В глобальной политической дискуссии по поводу доминирующих ценностей стратегически более сильны позиции тех участников, которые могут предложить человечеству предельно эгалитарные, космополитические варианты решений всеобщих проблем. Варианты, исходящие из долгосрочных интересов всего человечества, а не из интересов отдельных элит, классов, наций, регионов мира. Подобная идеалистическая логика не приносит прямых и ощутимых дивидендов субъектам и обществам, которые ее иницируют, более того, она часто ведет к материальным издержкам, окупаемым лишь символически, как например в случае СССР, эффективно помогавшего национально-освободительным движениям во всем мире и поднимавшего до уровня метрополии собственную периферию.

Приоритетной задачей отдельных государств становится не столько контроль и распределение внутренних ресурсных потоков, сколько обеспечение общих инфраструктурных условий для развития сообщества граждан, что выражается в популярной концепции *сервисного государства*. Движущая сила социальных перемен все чаще связана с созданием институциональных возможностей для расширения доступного спектра самореализации граждан, в том числе в контексте растущего влияния постматериальных ценностей. Любая нация может улучшить свое положение не только экономическим путем, но и заботой об общем будущем, в котором есть достойное место всем (см.: Мартьянов, Фишман 2010). Приход будущего – это в первую очередь этический поворот. Мы не знаем, каким будет будущее, но мы можем знать, каким оно должно быть. Элементы глобальной политической этики в основе будущей мирополитики вырабатываются в альтерглобалистских, коммунитарных, космополитических, экологических, анархистских, технократических дискурсах, в том числе направленных против издержек неолиберальной модели глобализации Модерна. Убедительным этическим зарядом обладают работы исследователей (С. Джордж, Б. Кагарлицкого, А. Каллиникова, Э. Лакло, Ш. Муфф, Ф. Джеймисона, С. Жижика и др.), которые придерживаются неомарксистского и коммунитарного видения глобального мира и выступают за альтернативные неолиберализму механизмы глобализации Модерна. Однако подобная критическая этика часто строится на противостоянии второстепенным издержкам глобализации, приобретающая характер фундаменталистских ультрапроектов, стремящихся вернуть человечество к некой идеальной исторической развилке, на которой оно сошло с истинного пути развития. Такая критика, утрируя всю сложность и двойственность процессов современного мира, на самом деле лишь укрепляет свои объекты.

Глобальный Модерн продолжает оставаться внутренне противоречивым и способным к развитию проектом. В ядро его нарратива под воздействием разнообразных изменений и вызовов постоянно имплементируются новые идеи и их интерпретации, в том числе те, что в первоначальных версиях были отодвинуты на периферию или даже отвергнуты. Законо-

мерности и сценарии дальнейшей трансформации Модерна вариативны, так как исходят из совокупности непредсказуемых онтологических и технологических факторов, влияющих на видоизменение его ценностно-институционального ядра. Онтология глобального Модерна представляет образ открытого для изменений общества, лишённого неизменных трансцендентных оснований. Это общество, где политическое является предметом посюстороннего, постоянно пересматриваемого и рефлекслируемого согласия социальных групп, обладающих высокой автономией в области конструирования, коррекции и продвижения своих ценностей, интересов, правил и форм политической организации общества в целом. Соответственно, инструментальные задачи политической теории связаны с осмыслением запросов на легитимацию новых социальных групп и запросов на назревшие социальные изменения, касающиеся правил совместного проживания, иерархии приоритетов и справедливого распределения доступных ресурсов.

Значимый актуальный импульс эволюции Модерна связан с тем, что новой конфигурации социальных групп придется обновлять принципы социального согласия и распределения доступа к общественным ресурсам в условиях *общества без экономического роста, массового труда и с ведущей ролью государства*. В связи с этим в центр самоописаний Модерна все активней выдвигаются модели *рентного доступа*, связанного с дистрибутивными ресурсными обменами, *безусловным доходом* и восстановлением *внеэкономической ценности* каждого человека (см.: Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019). Категориальный аппарат Модерна, сформировавшийся под историческим влиянием западной гегемонии, либерального консенсуса, метафоры рынка, ценности демократии и идеи бесконечного экономического роста, все менее соответствует наблюдаемой социальной онтологии. В подобном прагматическом контексте рыночные, демократические, либеральные теории *должного общества* обнаруживают негативную изнанку прогрессорства и манипуляций.

Представляется, что в будущем возрастет значение групп, занятых производством разного рода услуг, связанных с взаимодействием между людьми, которые не сводятся полностью ни к отношениям на рынке, ни к контролируемому государством распределению ресурсов. Наконец, в контексте легитимации новейших изменений современного общества совершенствуются и популистские политические риторики, в противовес универсализму и равенству морали *большого общества* направленные на обоснование локальных сословно-корпоративных добродетелей и привилегий. Эти добродетели становятся основанием для новых конфликтов в виде эксклюзивного доступа к общественным ресурсам для отдельных социальных групп, например путем признания их персональных преимуществ (аристократия, меритократия), капитализации реальных или воображаемых исторических и социокультурных травм, а также поводом для отказа в рентном доступе другим группам (мигрантам, негражданам, безработным, самозанятым и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александр Дж. 2013. Модерн, анти-, пост- и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время» // Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. Москва : Праксис. С. 505-600.

Вагнер П. 2019. Макс Вебер и модерн XXI века // Социологическое обозрение. Т. 18, № 4. С. 212-230.

Вагнер П. 2022. От господства к автономии: две эпохи прогресса в мировой социологической перспективе // Антиномии. Т. 22, № 3. С. 72-95. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_72.

Гизо Ф. 2007. История цивилизации в Европе. Москва : Территория будущего. 330 с. (Университет. б-ка Александра Погорельского). (История. Культурология).

Ильченко М.С., Мартьянов В.С. (ред.) 2015. Постфордизм: концепции, институты, практики / под общ. ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартьянова. Москва : Росспэн. 278 с.

Каминаер Т. 2022. В ловушке настоящего: планирование, архитектура и время постмодерна // Антиномии. Т. 22, № 3. С. 119-135. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_119.

Капустин Б.Г. 1998. Современность как предмет политической теории. Москва : Росспэн. 308 с.

Капустин Б.Г. и др. 2010. Современность: дилеммы и парадоксы : (материалы «круглого стола») / Капустин Б.Г., Архипов А.Ю., Драч Г.В., Козер В., Лешкевич Т.Г., Макаренко В.П., Морозова Н.О., Поцелуев С.П., Старостин А.М., Узнародов И.М., Швец Л.Г., Шкуратов В.А. // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. № 3. С. 25-102.

Козловский В.В. (ред.) 2021. Российское общество: архитектоника цивилизационного развития / Р.Г. Браславский, В.В. Галиндабаева, Н.И. Карбаинов, В.В. Козловский, Е.В. Масловская, М.В. Масловский, Ю.А. Прозорова; отв. ред. В.В. Козловский. Санкт-Петербург. 340 с.

Латур Б. 2006. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 240 с. (Прагматический поворот ; вып. 1).

Мартьянов В.С. 2010. Один Модерн или «множество»? // Полис. Политические исследования. № 6. С. 41-53.

Мартьянов В.С. 2017а. Капитализм, рента и демократия // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 9, № 1. С. 51-68. DOI 10.17835/2076-6297.2017.9.1.051-068

Мартьянов В.С. 2017б. Политические пределы homo economicus // Общественные науки и современность. № 2. С. 104-118.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2010. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. Москва : Весь мир. 256 с.

Мунк М. де, Гилен П. 2022. У нас все еще есть мечта. Призыв к разумно дерзкой науке // Антиномии. Т. 22, № 3. С. 9-25. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_9.

Тейлор Ч. 2022. Современный моральный порядок // Антиномии. Т. 22, № 3. С. 26-41. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_26.

Фишман Л.Г. 2008. От Катехона к Вавилону // Политический класс. № 5(42). С. 21-33.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 416 с. DOI 10.17323/978-5-7598-1913-4

- Фуко М. 2011. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. Санкт-Петербург : Наука. 544 с.
- Хабермас Ю. 2005. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. Москва : Праксис. С. 7-31.
- Хобсбаум Э. 2004. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). Москва : Независимая газета. 632 с. (История великих цивилизаций).
- Acemoglu D., Robinson J.A. 2012. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York : Crown Publishers. 529 p.
- Bauman Z. 2000. *Liquid Modernity*. Cambridge : Polity Press. 228 p.
- Beck U. 1992. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London : Sage Publications. 260 p.
- Eisenstadt S. 2000. Multiple modernities // *Daedalus*. Vol. 129, № 1. P. 1-29.
- Fukuyama F. 1992. *The End of History and the Last Man*. New York : Free Press. 418 p.
- Giddens A. 1990. *The Consequences of Modernity*. Cambridge : Polity Press. 186 p.
- Inglehart R., Welzel C. 2005. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge, UK ; New York ; Cambridge Univ. Press. X, 333 p.
- Jameson F. 1991. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, NC : Duke Univ. Press. XXII, 438 p.
- Jameson F. 2009. *Valences of the Dialectic*. London : Brooklyn, NY : Verso. 625 p.
- Liotard J.-F. 1979. *La Condition postmoderne*. Paris : Les Edition de Minuit. 128 p.
- MacIntyre A. 1981. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. 3rd ed. Notre Dame, Indiana : Univ. of Notre Dame Press. 300 p.
- North D., Wallis J., Weingast B. 2009. *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, NY : Cambridge Univ. Press. XVII, 308 p.
- Wagner P. 2008. *Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity*. Cambridge, UK : Polity Press. 307 p.
- Wagner P. 2017. *The End of European Modernity? // Changing Societies & Personalities*. Vol. 1, № 2. P. 128-135. DOI 10.15826/csp.2017.1.2.009

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*, New York, Crown Publishers, 2012, 529 p.
- Alexander J.C. Modern, anti-, post- and neo-: how intellectuals explain “our time”, *Aleksander Dzh. Smysly sotsial'noy zhizni: kul'tursotsiologiya*, Moscow, Praksis, 2013, pp. 505-600. (in Russ.).
- Bauman Z. *Liquid Modernity*, Cambridge, Polity Press, 2000, 228 p.
- Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*, London, Sage Publications, 1992, 260 p.
- Eisenstadt S. Multiple modernities, *Daedalus*, 2000, vol. 129, no. 1, pp. 1-29.
- Fishman L.G. From Catechon to Babylon, *Politicheskii klass*, 2008, no. 5 (42), pp. 21-33. (in Russ.).
- Fishman L.G., Martianov V.S., Davydov D.A. *Rental Society: in the Shadow of Capital, Labor and Democracy*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2019, 416 p. DOI 10.17323/978-5-7598-1913-4 (in Russ.).
- Foucault M. *Security, Territory, Population. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977–1978*, St. Petersburg, Nauka, 2011, 544 p. (in Russ.).

- Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*, New York, Free Press, 1992, 418 p.
- Giddens A. *The Consequences of Modernity*, Cambridge, Polity Press, 1990, 186 p.
- Guizot F. *History of civilization in Europe*, Moscow, Territoriya budushchego, 330 p. (in Russ.).
- Habermas J. Modern – unfinished project, *Politicheskie raboty*, Moscow, Praksis, 2005, pp. 7-31. (in Russ.).
- Hobsbaum E. *The Age of Extremes: a History of the World, 1914–1991*, Moscow, Nezavisimaya gazeta, 632 p. (in Russ.).
- Ilchenko M.S., Martianov V.S. (eds.) *Postfordism: concepts, institutions, practices*, Moscow, Rosspen, 2015, 278 p. (in Russ.).
- Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*, Cambridge, UK, New York, Cambridge Univ. Press, 2005, x, 333 p.
- Jameson F. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*, Durham, NC, Duke Univ. Press, 1991, xxii, 438 p.
- Jameson F. *Valences of the Dialectic*, London, Brooklyn, NY, Verso, 2009, 625 p.
- Kaminer T. Trapped in the Present: Planning, Architecture and Postmodern Time, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 119-135. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_119. (in Russ.).
- Kapustin B.G. *Modernity as an Object of Political Theory*, Moscow, Rosspen, 1998, 308 p. (in Russ.).
- Kapustin B.G., Arkhipov A.Yu., Drach G.V., Kozer V., Leshkevich T.G., Makarenko V.P., Morozova N.O., Potseluev S.P., Starostin A.M., Uznarodov I.M., Shvets L.G., Shkuratov V.A. Modernity: Dilemmas and Paradoxes (Materials of the Round Table), *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 2010, no. 3, pp. 25-102. (in Russ.).
- Kozlovsky V.V. (ed.), Braslavsky R.G., Galindabaeva V.V., Karbainov N.I., Maslovskaya E.V., Maslovsky M.V., Prozorova Yu.A. *Russian Society: Architectonics of civilizational development*, St. Petersburg, 2021, 340 p. (in Russ.).
- Latour B. *We Have Never Been Modern*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 240 p. (in Russ.).
- Liotard J.-F. *The postmodern Condition*, Paris, Les Edition de Minuit, 1979, 128 p. (in French).
- MacIntyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*, 3rd ed., Notre Dame, Indiana, Univ. of Notre Dame Press, 1981, 300 p.
- Martianov V.S. One Modernity or a “Multitude”?, *Polis. Political Studies*, 2010, no. 6, pp. 41-53. (in Russ.).
- Martianov V.S. The Capitalism, Rent and Democracy, *Journal of Institutional Studies*, 2017, vol. 9, no. 1, pp. 51-68. DOI 10.17835/2076-6297.2017.9.1.051-068. (in Russ.).
- Martianov V.S. The Political Limits of “Homo Economicus”, *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*, 2017, no. 2, pp. 104-118. (in Russ.).
- Martianov V.S., Fishman L.G. *Russia in Search of Utopias. From Moral Collapse to Moral Revolution*, Moscow, Ves' mir, 256 p. (in Russ.).
- Munck M. de, Gielen P. We Still Have a Dream. A Plea for a Sensibly Audacious Science, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 9-25. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_9. (in Russ.).
- North D., Wallis J., Weingast B. *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge, NY, Cambridge Univ. Press, 2009, xvii, 308 p.
- Taylor Ch. The Modern Moral Order, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 26-41. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_26. (in Russ.).

Wagner P. From Domination to Autonomy: Two Eras of Progress in World-sociological Perspective, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 72-95. DOI 10.17506/268672-06_2022_22_3_72. (in Russ.).

Wagner P. Max Weber and 21st-Century Modern, *The Russian Sociological Review*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 212-230. (in Russ.).

Wagner P. *Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity*, Cambridge, UK, Polity Press, 2008, 307 p.

Wagner P. The End of European Modernity?, *Changing Societies & Personalities*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 128-135. DOI 10.15826/csp.2017.1.2.009

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Сергеевич Мартьянов

кандидат политических наук, доцент, директор Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7747-0022>;
SPIN-код: 8770-5974;
E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victor S. Martianov

Candidate of Political Science, Director, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7747-0022>;
SPIN-код: 8770-5974;
E-mail: martianov@instlaw.uran.ru